

ГЛАВА 4. СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

ДУХ И ОБОЛОЧКА

Если проследить жизнь внешней оболочки реформатора в Крымскую кампанию, то его служба в армии – это бесконечные переезды, в которых трагичное порой переплеталось с комичным.

Из Петербурга Пирогов в конце октября 1854 года с фельдшерами и врачами отправляется через Москву, Харьков, Екатеринослав – в Севастополь. Малороссия встретила их непролазной грязью и ухабами на дорогах, по которым едва пробирався тарантас. По дороге фельдшера Калашникова растрясло до колик в животе, что было особенно опасно, так как сидел он на ящиках с колбасами и икрой, которые чуть было не принял за ватерклозет.

Здесь, на юге России на почтовых станциях уже не действовали ни бумаги с гербовыми печатями, ни статус фельдъегерской эстафеты. “Видя беспомощность всех мер кротости”, врачам приходилось выбивать в прямом смысле этого слова свежих лошадей из начальников станций, вооружившись хорошей швейцарской тростью. После того, как ею “повалют” по спине местного администратора, лошади являлись, и путь по государеву указу продолжался. В Екатеринославе бушевал ураган, изрядно потрепавший путников, и доставивший, как выяснилось, много бед флоту вражеской коалиции.

Вот уже спутники близ цели – проехали Бельбекскую долину, с ее огромными вязами и дубами – и открылась панорама Севастопольской обороны. О ней позже напишет поэт Федор Глинка:

“Там, где синею волною
Омывался виноград,
Где под южною луною
Склоны каменных громад
Осеньял чинар и тополь,
Где фосфор горит в волнах,
Где могучий Севастополь
Красовался на скалах,
Загремело вдруг войною,
За ударом шел удар,
И за дымной пеленою
День и ночь кипел пожар...”

12 ноября 1855 года, когда Пирогов с командой врачей появился в Севастополе, шли проливные дожди, и по городу можно было передвигаться только в охотничьих сапогах. Русские войска ввиду угрозы окружения во время наступления французов были выведены из города маршем в Бахчисарай и затем возвратились обратно. Штаб командующего князя

А.С. Меньшикова размещался на телегах, сам он – в низенькой лачужке рядом с батареями. Адмирал, князь П.С.Нахимов – на пароходе.

В конце сентября в боях выбыло из строя 11 000, ранено 6 000. Николай Иванович передал приказ государя о своем назначении маршалу, а сам с коллегами обосновался в двух комнатах со сводом в нижнем этаже дома, оказавшегося неподалеку от жилища командующего. Всю квартиру врачи завалили тюками с бинтами, лекарствами, инструментами. Спали сами между тюков и чемоданов (на них же сидели, обедали, играли в шахматы).

Пирогов принял начальство от генерала штаб-доктора, допустившего до того, что около 2000 солдат лежали вповалку на шинелях в липкой грязи или в телегах не прооперированными уже две недели, и познакомился с расположением госпиталей. перевязочный пункт и операционные были расположены в доме Дворянского собрания. Основной госпиталь – возле моря – на Николаевской батарее (туда позже Николай Иванович перевез часть своего инструмента), небольшие лазареты – в частных домах, офицерский госпиталь – в Екатерининском дворце. Более 10 дней Пирогов проводит резекции, ампутации, гипсования переломов, чтобы спасти уцелевших раненых.

Едва закончив работу в городе, через несколько дней главный врач отправляется верхом за 70 верст с инспекцией в госпитали Бахчисарая в “татарский ветроград”. Осматривает, оперирует. Оттуда по пути следования обозов с ранеными – в Симферополь, далее – в Перекоп. В конце декабря снова возвращается в Севастополь и встречает Новый год уже на позициях.

К этому времени в Севастополь прибывают подкрепления с Дуная от М.Д. Горчакова, но и вражеское войско тоже усилилось за счет прибытия турецкой армии Омер-паши. Внутри города уже свыше 100 000 войска, войск коалиции, окопавшихся вокруг Севастополя и размещенных на кораблях – около 170 000.

5 февраля Николай I меняет главнокомандующего, им назначен М.Д. Горчаков. У императора, ошеломленного тяжкими вестями с фронта Крымской войны, резко ухудшилось здоровье.

18 февраля 1854 г государь скончался от простуды. 19 февраля на престол вступил его старший сын Александр. Крымская армия и Пирогов, к тому времени заболевший тифом, официально узнали об этом только в конце месяца, хотя прежде слышали эту весть от пленных французов. “Имя Николая теперь принадлежит истории” – написал он в начале марта жене, а позже в дневнике дал высочайшую оценку государственной деятельности монарха, воля которого “властвовала на всем континенте”.

В марте 1854 г Александр II начинает в Вене переговоры о мире, но коалиция их отвергает. Тогда новый государь, решивший закончить войну на выгодных для России условиях, организовал набор дополнительно 300 тысяч войска.

Французы направляют главный стратегический удар против Малахова кургана. Русские укрепляют его линиями редутов. 28 марта 1855 г – бомбардировка и штурм Малахова кургана. Адский огонь продолжался 10 дней подряд. Защитников Севастополя, по выражению современников, буквально “толкли в ступке” бомбами и ядрами.

До лета Пирогов ежедневно кочует по всему Севастополю:

“Вещи мои лежат на Николаевской батарее, на прежнюю квартиру на Екатерининской улице езжу обливаться морской водою и обедать, а сплю и провожу целый день в Дворянском собрании” – писал он Саше.

В середине мая 67 боевых кораблей коалиции встали перед Кронштадтом. Возникла угроза крупной войны на Балтике. Необходимо было организовать перевязочные пункты в Ораниенбауме и Кронштадте. 1 июня 1855 года Пирогова срочно вызывают в Петербург. Николай Иванович отправляется с юга на запад России. К июлю он уже в столице.

25 июля англо-французский флот в течение 45 часов обстреливал балтийскую крепость Свеаборг, закрывающую с моря Гельсингфорс. До середины августа Пирогов под Ораниенбаумом занимается ранеными моряками Свеаборга. Флоту анти российской коалиции не удалось взять крепость, укрытую на скалистых островах, но бомбардировкой были разрушены доки, матросская школа, часть арсеналов и почти все городские строения.

Под Севастополем тем временем положение все ухудшается. 28 июня убит адмирал П.С. Нахимов. С начала августа в первые недели каждый день выбывает из строя 900-1000 человек, с середины месяца 600-700. Войска коалиции сжимают кольцо и готовятся к штурму города.

С запада Пирогов снова отправляется в Крым, но не успевает к решающим событиям.

27 августа начинается небывалая по мощи бомбардировка Севастополя. Ядра дырявят стены каменных домов, бомбы разносят вдребезги небольшие слободки. Французское войско с блестящими ножами на штуцерах идет в атаку на Малахов курган. Русские солдаты и моряки, хоть и плохо вооруженные, сражаются героически. Им к тому же мешает мирное население. Весь оставшийся в приморской части Севастополя народ с узлами, телегами, с чемоданами, с детьми, собаками и кошками с котятками валом валит навстречу русской армии. Ракеты и бомбы с воем падают в море. Красивейший город подожжен наступающими французами, над ним бушует огромное пламя, отходящие с боями матросы подрывают бастионы, а в бухте затапливаются уцелевшие черноморские корабли. Русские войска вынуждены покинуть южные рубежи и перейти на северную сторону.

Раненых из Николаевской батареи на лодках и катерах, вокруг которых рвутся столбы воды от бомб отвозят к российскому побережью, а оттуда – в

Симферополь. К счастью, прогнозируя развитие событий, Пирогов еще в конце апреля распорядился организовать на более безопасной северной стороне палаточные лазареты и перевезти туда большую часть раненых из южной части города.

31 августа Николай Иванович снова возвращается на фронт Крымской войны. Приехал, чтобы наблюдать, как он выражается в письме к жене, “две развалины” – Севастополь и Горчакова. В подзорную трубу Пирогов рассматривает руины, оставшиеся на месте города-крепости. Он пуст, изрыт воронками, на Малаховом кургане – один мертвый редут, на месте укреплений – кучи песка, какие-то надписи на французском языке покрывают обломки камней, где были крепостные стены.

В Крыму главный врач объезжает оставшиеся госпитали и организует палаточные лагеря для раненых. “Один акт трагедии кончился, начнется другой, который, верно, не будет так продолжителен, а там – третий прозорливо пишет домой Николай Иванович.

Вражеский флот вновь приближается к Одессе, направляет удар против Перекопа и Николаева, занимает Керчь, грабит побережье Азовского моря, пытаясь отрезать крымскую армию и лишить ее подвоза провианта. Госпитали Симферополя и Бахчисарая теперь тоже находятся под угрозой окружения. “В эти месяцы решится, останется ли Крым наш” – удрученно сообщает Пирогов Саше.

Решительные действия русских войск в Азии в конце ноября 1855 г заставляют сдать многочисленную турецкую армию, и переговоры о мире между державами возобновляются. Окончательно договор о мире подписан 13 февраля 1856 г. По этому договору России запрещено иметь военный флот и крепости на Черном море. Российские военные корабли не могут заходить в черноморские воды.

Пирогов с бригадой врачей покидает фронт Крымской войны в начале декабря 1855 г из Симферополя и в конце декабря подает рапорт об отставке. Все, что было в его силах, он сделал для Севастополя, на пять лет вперед превысив требуемую выслугу лет. Хирург Сергей Петрович Боткин, наблюдавший за деятельностью Н.И. Пирогова в Севастополе, утверждал, что он встал “рядом с нашими народными героями”.

Казалось бы война должна была заставить мыслителя прервать на время поиск общенаучных закономерностей развития живого. Но, проследивая не перемещения телесной оболочки, а жизнь идей мыслителя, можно сказать, что и на войне он остался столь же последователен в своей стратегии реформирования социальных структур. Словно это время спокойно пребывал со своими размышлениями в стенах университета или Академии.

ПРОФЕССИОНАЛЫ ВОЙНЫ

В Севастополе Пирогов окунулся в прежде ему малознакомую среду высокопоставленных военных. Реформатор редко находит с ними общий

язык и, тем не менее с неослабевающим научным интересом изучает мировоззрение профессионалов войны. Эта тема, стала, пожалуй, одной из главных в знаменитых “Севастопольских письмах”, представляющих особый жанр публицистики, где в продолжение традиций “Отчета” приводится статистика войны, даются портретные зарисовки коллег-врачей и военачальников, яркие детали военного быта.

Пирогов посылает их не только Александре Антоновне (в то время управляющей хозяйством, а также на правах жены профессора хирургии распоряжающейся специальной пилой и ассистентом Шульцем, приготавливавшим по методике Пирогова срезы замороженных трупов). Письма-отчеты от Пирогова, получает фрейлина великой княгини Елены Павловны Эдит фон Раден, петербургский врач Карл Карлович Зейдлиц.

“Севастопольские письма” были важным дополнительным информационным каналом связи для реформатора. Иначе при любом конфликте с военным чиновничеством в удалении от столицы, легко быть оклеветанным в глазах Государя.

Пирогов, продолжающий обдумывать идеи статьи “Вопросы жизни”, видит в военных выращенных школой специалистов. Сначала, как и все, они были детьми, потом надели мундиры кадетов – с белым и красным кантом на воротничках.

Им были преподаны знания тактики, стратегии. Их выправка на парадах восхищала женщин и новобранцев. Внешний человек вылеплен по образцу защитника Родины. Беда только в том, что внутренний человек, порой так и не окреп даже в бравом полковнике. Поэтому в случаях, когда требуется отстаивать без вражды свою идею, он пасует и старается примкнуть ко мнению большей или малой толпы сослуживцев.

Соприкасаясь с офицерами штаба, Пирогов с удивлением отмечает, насколько слепо верят на войне авторитетам. Армейские уповают на необыкновенные таланты маршала князя Меншикова, полагая, что полководец ловко заманивает врага, в тайне prepares огромные планы и вот-вот разгромит неприятеля, моряки – на адмирала Нахимова.

После встречи с князем Меншиковым, Пирогов рисует в письме к жене образ “судьбы Севастополя” – аскета в засаженном архалуке, на все разумные вопросы о положении войска отвечающего мистическим молчанием или нападением о том, что было еще хуже. Нахимова же обещает описать впоследствии, сообщая только, что виделся с ним и это тоже “большой оригинал”, но здравомыслящий человек.

Позже Пирогов подружился с Павлом Степановичем Нахимовым, обменивался с ним книгами, Меншикова же в письмах кистил то “копченой мумией”, то “молчаливым филином”.

Александр Сергеевич Меншиков вовсе не был бездарным военачальником. Он правильно предугадал место высадки вражеского десанта, его маневры в тех тяжелых условиях были вполне оправданы, но маршал так и не смог стать душой обороны.

Николай Иванович, как ученый, понимал, что при окружении, в большом скоплении, необходимо постоянно возбуждать активность в людях, иначе наступает апатия и безысходность. Его поражает, как этого не чувствует главный армейский специалист. Маршал ни разу не приехал к раненым солдатам, не ободрил их словами благодарности, никого из офицеров не угостил обедом на Новый год. Весь праздник его штаб стоял, как вымерший, с темными окнами, запертыми дверями. Маршал, не созрел до командования, как человек.

Николай Иванович, бежавший от академических дрызг на фронт, обнаруживает, что штабы также раздираемы интригами. Побеждает не более мудрое и взвешенное решение, а более сильная штабная группировка. Тогда своего маневра не понимает даже ближайшее окружение сильных мира сего, неизбежны “грубые ошибки, нерешительность и бессмыслица”.

Вскоре по приезде в Севастополь Пирогов, проходя по берегу бухты, наблюдал следующую сцену:

“Я увидел с десятков огромных пушек, заклепанных и лежавших на берегу. На вопрос, что это такое, врач объяснил, что это следствие недоразумения; когда неприятель шел от северных фортификаций на юг, то приказания Меншикова не было понято, и пушки заклепали и сбросили в море. Теперь же, когда предчувствие не сбылось, то наши ловят пушки в море, вытаскивают и расклепывают”. Оказывается, французы наступали столь стремительно с севера, что могли сразу занять господствующие высоты и командование распорядилось со страху или сдуру сбросить в воду вооружение южных бастионов. Противник же тоже по неведению или дурацки отправился походным порядком именно на южную сторону. (Военные историки подтверждают слова Пирогова: к счастью севастопольцев, англо-французское командование, упоенное своей военной мощью, имело очень слабое представление о вооружении города и численности его гарнизона. Коалиции эта самонадеянность стоила сотен тысяч убитых солдат и офицеров).

“Военное искусство еще более основано на предположениях и случайных совпадениях, нежели наше врачебное искусство” – делает вывод Пирогов в письме к К.К.Зейдлицу.

Ученый обнаруживает, что разбор военных действий вполне доступен врачу, знающему общую методологию научного исследования (“не нужно быть большим стратегом, чтобы понять, какие здесь глупости...”), и дает блестящий анализ Севастопольской обороны.

“Есть только три способа взять Севастополь: повторение бомбардировки, соединенное со штурмом; ...пресечение сообщения города с материком через продолжительное обстреливание северной бухты; ...обложение города и почтовой дороги сухим путем и осада северных его укреплений”. Обрисованы функциональные связи армии и противника. Далее приводится статистический анализ альтернатив:

1. Штурм опасен для врага, а бомбардировка пока причинила мало вреда.

2. Сухопутная осада требует численности войска неприятеля до 300 000, чего у него нет.
3. Для обстреливания бухты нужно взять 4 высоты над городом, которые, как показали бои, хорошо укреплены батареями.
Русские войска тоже не могут атаковать, ввиду малочисленности против осаждающих, а принуждены стоять в обороне. Получается, если кто-то не сделает ошибки, то война бесполезна с обеих сторон...

Трудно сказать, был ли прав Николай Иванович. В целом события развернулись по первому и третьему сценарию. Военные историки считают, что Севастопольская оборона продемонстрировала новые методы позиционной войны, которая была проиграна Россией в том числе из-за ошибок командования. Историки оценивают действия внешнего человека, педагог и мыслитель Пирогов своим особым видением наблюдал внутреннего человека.

БЕЗДАРНЫЕ ЦАРСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ?

Прежде советские историки дружно повторяли, что Пирогов в своих “Севастопольских письмах” обличал “бездарность царских генералов”. Это не так. В действительности реформатор критикует в письмах узость взглядов военных специалистов разных стран.

Так англичане по распоряжению командования не особо церемонятся с трупами погибших врагов и закапывают их на глубину не больше аршина. Это в жарком, влажном крымском климате вызывает усиление эпидемий, от которых гибнут солдаты всей коалиции: тиф и холера косит французов, турок, самих англичан.

Но, странное дело, заболеваемость в окопах военачальники рассматривают, не как порождение войны, а как случайность, досадную помеху на пути к победе, традиционно считая убыль войска только по числу убитых и раненых.

Пирогов же, прогнозируя в письмах неизбежные потери от тифа и холеры в осажденной армии, готов поддержать самые решительные проекты вылазки и атаки, предлагаемые офицерами русского штаба “конечно, из молодых”, пусть даже при этом будет потеряно 20 000 войска, ведь иначе от эпидемий армия бесславно вымрет.

Во всех армиях мало заботятся о раненых, замечает Пирогов: у французов в лазаретах смертность от ампутаций превосходит российскую. Интриги не меньше мешают действиям штабов коалиции. Во всех армиях применяются телесные наказания к провинившимся нижним чинам, особенно жестоко бьют турок. Российская армия – не образец прогресса, и не исключение из правил.

“Перевозка раненых стоит миллионы” – с горечью сетует Пирогов в письмах к Саше, а на обозы жалеют выделить десяток полушубков, чтобы раненые не замерзли зимой в пути. Это вообще характерно для специалистов войны – экономить на пустячных тратах и пускать на ветер не глядя огромные

суммы. Крымская война обошлась России в 500 миллионов рублей, вражеской коалиции – в 600 миллионов рублей, но стратеги тогда еще не были приучены задумываться об убытках от победоносных войн. Не зря сказано в Писании: “Блаженны миротворцы, ибо Их есть Царство небесное”. Военные же специалисты всех стран считают необходимым уничтожать как можно больше живой силы и техники противника.

В Крымскую войну противник применил против русских новое оружие, придуманное техническими умами Европы – бомбы. Начиненные взрывчаткой небольшие довольно легкие металлические шары взрывались не сразу, а прежде пробивали тонкие стены, разбивали окна, отскакивали рикошетом от камней, закатывались внутрь помещений и там разметали людей осколками. Бомбы было легче забрасывать, чем тяжелые ядра, они напоминали детские мячики, и маленькие мальчишки, играющие на батареях Севастополя, бросали мяч со смехом – “бомба летит”!

Так же вели себя солдаты и матросы – простые парни из крестьянских семей. Смеясь, как дети, наклонялись они и разбегались от бомбы, словно от мячика. А затем с снова с безрассудным любопытством сбегались посмотреть на нее прежде чем она лопнет... Опытные казаки, изведавшие налеты горцев на заставы, про англичан говорили: “сами-то они не то, что кавказцы, народ неопасный, вот бомбы их, те действительно коварны”. В записной книжке Пирогова, где прежде описывались переломы костей, вызываемые медными пулями горцев, появятся многочисленные записи о страшных ранениях осколками бомб.

Военачальники столь же легко начинают относиться к гибели своих солдат, как врачи к смерти пациентов. У них так же притупляется восприятие чужой боли и трагедии, как и у специалистов-хирургов.

“Несколько дней тому назад союзная армия бросила около двух тысяч бомб в четвертый или пятый редут, и эти две тысячи снарядов ранили только шестьдесят человек и убили около двадцати, пишет Пирогов Зейдлицу о событиях марта 1855 года, – Хотя по нашим мирным понятиям человеческая жизнь неоценима, но здесь все-таки думают, что ничтожное действие не стоило труда и затраты”.

Великому хирургу, привыкшему к строгой, проверяемой статистике, больно, что учет самого дорогого для Российской империи – жизней ее подданных – не только ведется формально, но и находится на периферии сознания военных: “*По бумагам*, у Горчакова в Крыму 260 000, да вне Крыма – слишком 400 000, так что на бумаге да на жалованье до 700 000, а много ли на деле, одному Богу известно. 700000 счесть – не безделица, и 200 человек начнешь считать, так как раз ошибешься”.

Военные специалисты, по мнению Пирогова, не хуже гражданских. Наблюдаемые им симптомы – общие последствия кризиса узкоспециального образования, только в мирное время они не так трагически заметны, как на войне. Генералы, маршалы, как и ученые, увлечены своей специальностью, но перестают любить людей.

Николай Иванович в Крыму, как и прежде на Кавказе, убеждается, что при организации военно-полевой медслужбы тоже нельзя полагаться на одних

военных медиков и солдат, – на фронте они становятся такими же холодными профессионалами войны. Нужно, чтобы медслужба обрела нравственную опору в тех, кто сберегает идеал добра и милосердия.

ПРОЕКТ ПИРОГОВА ПРОТИВ АРМЕЙСКОЙ КОРРУПЦИИ?

На Крымскую войну Николай Иванович Пирогов отправился не только как главный врач армии, но и как руководитель общины сестер милосердия.

О том, что сестры милосердия появились в период Крымской войны знают многие, но что за функции они выполняли и чем они отличались от сегодняшних сестер известно очень мало.

Как возникла община, вроде бы, неоднократно описано в литературе: во время битвы при реке Альме девушка Дарья, шестнадцатилетняя дочь чиновника, стала помогать перевязывать раненых. Молва о мужестве русской девушки достигла столицы. Государь Николай Павлович просил великих князей расцеловать ее от своего имени, наградил Дарью золотой медалью и 500 рублями, а позже еще и 1000 рублями приданого, когда она вышла замуж за отставного матроса. Патриотический пример Дарьи вдохновил женщин России. В это же время на фронт отправились французские и английские “дамы высокой души”. В России общественное женское движение возглавил Н.И. Пирогов.

На первый взгляд мы видим лишь “подхваченный почин” женщин, желающих помочь раненым. И все же не эта функция медсестер была главной. Это была блестяще задуманная и проведенная реформа против армейской коррупции.

Выполнив в Петербурге несколько тысяч операций, Пирогов пришел к выводу, что выздоровление раненого зависит не столько от мастерства хирурга сколько от выхаживания в больнице. В Медико-хирургической академии Николай Иванович воевал с директором госпиталя Лоссиевским, при котором у раненых крали постельное белье, еду, лекарства. Лоссиевский был со скандалом уволен, но слишком много сил, нервов и времени было истрачено на то, чтобы избавиться от одного высокопоставленного вора. Пирогову стало ясно, что увольнениями начальства госпитальную администрацию быстро оздоровить трудно. Он пошел другим путем.

Наблюдая за казнокрадом он уяснил, что для крупных хищений сановнику необходима сеть подчиненных-исполнителей. Один из них, скажем, заведует складом белья, второй – аптекой, третий – транспортом, четвертый – канцелярией, пятый – кухней, шестой управляет санитарями в палатах, седьмой принимает пожертвования на госпиталь. Все они в кулаке у начальника, который раздает им награды, жалует или понижает в должностях, поэтому обязаны участвовать в накоплении “товара” и перепродаже краденого, а затем делиться прибылью с хозяином.

Хитрый Пирогов проделал “дыры” в воровской сети госпитального начальства. Все “благородия” и “высокоблагородия” в чинах майоров, полковников остались на своих местах управляющих. Только на должности

госпитальной obsługi, а также на заведование складами были взяты сестры независимой Крестовоздвиженской общины.

У общины должен быть высокий покровитель. Ведь женщинам придется вступить в бой с армейским начальством. Кроме того сестрам, отправляющимся в приграничные районы, должно доверять командование. Иначе неизбежны подозрения и доносы. Не случайно главный доктор московского госпиталя, едва узнав о формировании общины, стал величать ее “тайным обществом” и соби́рался было передать в руки полиции. Этим покровителем и вдохновителем общины стала великая княгиня Елена Павловна. Таким образом сестры жили на полном обеспечении великой княгини, а “герои тыла” были уволены или отправлены на фронт.

Основным нововведением реформатора была передача общине под надзор всей административной власти. “Община – не просто собрание сиделок, – подчеркивал реформатор, а будущее средство “нравственного контроля госпитальной администрации”.

Кажущаяся простота возникновения движения скрывает необычайные глубины мысли общественных деятелей России XIX в и усилия, которые понадобились им, чтобы вести общину к высокой цели.

Как всегда, поиск Николаем Ивановичем новых форм реформирования направлялся с помощью сбора и проверки статистических данных. Побывав на Кавказе, Пирогов понял, что получить достоверные цифры потерь на поле боя – очень непросто из-за ведомственной подчиненности врачей. В Крыму он наблюдает аналогичную картину “ответности”:

“Генерал штаб-доктор чуть не упустил в штаны и на вопрос главнокомандующего, сколько больных в Симферополе, ответил наудачу:

— Теперь очень уменьшилось, ваше сиятельство: было восемьсот, а в настоящее время четыреста.

— Как! Четыреста в сутки?— спросил гневно князь.

— Нет-с, ваше сиятельство, в неделю.

— В неделю... Однако ж это порядочно много.

— Извините, ваше сиятельство, в месяц.

— А, хорошо! — сказал удовлетворенный князь, садясь на лошадь.”

“Как у нас не хотят этого понять, что покуда врачи будут находиться в такой зависимости от военноподчиненных, что трясутся от одной мысли прогневать их, до тех пор ничего нельзя путного ждать”, – заключает Пирогов.

Еще труднее было сравнивать статистические данные потерь в прошлых войнах: приукрашивание было характерно для всех правителей и их военных медиков.

Выясняя еще в Петербурге реальные цифры смертности от ранений Пирогов выделил ту группу данных, где врачи, сообщая о потерях, не боялись бы

ответственности за правдивость. Например, смертность от ампутаций конечностей была непредсказуемой даже в середине XIX в., а следовательно никто не мог обвинить врача в нерадении.

Ученый привлек для анализа множество исторических трудов, где описывались крупные сражения, начиная с времен античности, и где сообщалось о числе погибших после ампутаций. Исследование выявило поразительную закономерность: смертность на войне не зависит от... искусства врача, но существенно меняется от количества медперсонала в армии на тысячу войска. (Не случайно правители разных стран и цари России в том числе вплоть до конца XIX века во время войн нередко нанимали иностранных лекарей).

Смертность в клиниках, как показал Пирогов в “Анналах” 1851-52 гг., тоже не зависит от мастерства хирурга. Послеоперационные осложнения возникают реже при хорошем уходе, недаром в старину говорили, что больного надо не лечить, а выхаживать. Это еще одно подтверждение для мыслителя того, что операция – вид тяжелой травмы, аналогичной ранению.

В отличие от профессионалов войны, Пирогов всегда учитывает, что помощь армии не должна снижать уровень общего медицинского обслуживания в России. Если вблизи поля боя собрать много врачей, то останутся без медицинской помощи целые губернии, возможны вспышки эпидемий. Поэтому реформатор протестует против отправки на фронт первых и вторых курсов медицинских факультетов. Выздоровление раненых, по убеждению Пирогова, зависит не столько от таланта врачей-хирургов, сколько от милосердного ухода персонала средней и низшей квалификации за всеми травмированными воинами.

При организации военно-полевой медслужбы самое важное, как и в клиниках, – реформировать администрацию – охватить санитарным надзором все этапы лечения раненых.

Возникает следующая реформаторская задача: требуется послать на поле боя в помощь врачам большое количество персонала невысокой квалификации, который бы отражал интересы раненых, а не военной бюрократии.

Как ее решить?

ЭМАНСИПАЦИЯ

В XIX в. идея эмансипации женщины (так же как и эмансипации крестьян) переключивается из Европы в Россию, будоража ее лучшие умы.

Женский социальный слой в России – еще дремлющий, но пробуждающийся, его силы и таланты не востребованы обществом. Но неучастие женщин в производстве, государственных делах – это и достоинство их положения.

На примере медицины великий хирург наблюдает, как дегуманизирует сознание специализм, когда честь мундира, сословная корпоративность приводят к забвению христианского сострадания к больному. Ученый видит, насколько грубы и жестоки с немощными профессиональные

санитары-мужчины, набранные или из негодных для строевой службы или отосланных за пьянство из частей, в большинстве своем не способные к милосердию.

Эмансипация, понятая примитивно, всего лишь включит забытый социальный слой в круговерть производства, как новую рабочую силу, приведет к полному поглощению свободного времени женщин специальностью, подорвав опору гуманизма в семье и обществе. А женщина, по Пирогову-педагогу, автору “Вопросов жизни” – уникальный хранитель христианских идеалов общества, которые она передает детям.

Реформатора отличает способность оценить достоинства любой сложившейся ситуации. У Николая Ивановича это умение частью было воспитано диалектикой и хирургией, частью прирожденным, о чем он позже писал в своем дневнике:

“Я с давних пор не могу ни на что смотреть и ни в чем убеждаться с одной стороны; произвольно, при каждом новом для меня предмете я тотчас же заглядываю на него со стороны противоположной той, с которой смотрю. Недаром я косил одним глазом (левым) с рождения. Эта разносторонность во взгляде на предмет, приносящая свою долю пользы, вредна действию, лишая его меткости, быстроты и сосредоточенности. Я это испытал, к сожалению, не раз в жизни; зато она предохраняла меня от вредных увлечений, выставляя мне тотчас же на вид худую сторону того, что меня манило к увлечению. Несомненную пользу доставила мне разносторонность взгляда в хронических случаях, когда было довольно времени для начала действия взвесить и оценить обсуждаемый предмет с противоположных точек зрения”. Этот особый проницательный, косящий взгляд позже изобразит Репин в портрете и бюсте мыслителя.

Уникальную ценность положения женского социального слоя России, считает реформатор Пирогов, можно использовать как обновляющую силу, если образовать ее знаниями, развивающими прирожденные гуманистические идеалы, но не занимать профессиональной деятельностью.

Одним из ярких представителей такого женского движения стала княгиня Екатерина Михайловна Бакунина, москвичка, дочь губернатора Бакунина и правнучка князя Голенищева-Кутузова. В своих воспоминаниях она пишет, что в юности была скорее “кисейной барышней”: занималась музыкой, танцами, рисованием, обожала морские купания в Крыму, домашние балы, где с удовольствием танцевала. Вовсе не слушала прежде лекций по естественным наукам и не ходила в анатомические театры. Когда врачи обучали ее в Петербурге азам медицинского дела, то, боясь простудиться в холодном климате зимой, в больницу на занятия ездила в карете, чем вызывала усмешки хирургов. Но двоюродный брат, офицер Александр, лучше знающий ее характер и волю, рассказывая ей про Крым, про скопление раненых и тифозных, сказал: “Ведь я тебя знаю, тебе теперь еще больше захотелось туда ехать”. Позже такие сестры милосердия, как Бакунина, стали легендой Крыма.

Женское движение должно стать независимым от администрации, чтобы пронизать застойные слои общества филантропией, чуткой помощью, милосердием.

Откуда же взять средства на образование и материальную поддержку женского движения?

Их предоставит частная помощь, а женщины становятся координаторами частной инициативы и государственных нужд во имя милосердия и гуманизма.

Ученый предварительно убедился в эффективности частной помощи на примере постройки Анатомического института: год от утверждения проекта до приема первых слушателей! Так же мощно сказалась частная поддержка инвалидам прошлых войн. Удалось наладить производство протезов, окружить раненых заботой, улучшить их быт.

Пирогов придирчиво изучил и перепроверил цифры смертности в палатах больниц Петербурга, где работала с начала 50-х годов община милосердных вдов под патронажем Великой княгини, и стал ее бесплатным консультантом. Собранные статистические данные свидетельствовали о том, что непрофессиональный, но милосердный уход позволил снизить процент умерших после операций больных.

Следовательно, заключает Пирогов, силой, противодействующей военной бюрократии и отражающей интересы раненых, должно стать независимое женское движение, которое будет опираться на частную помощь.

ОБЩИНА ИЛИ ОРДЕН?

Несть числа книгам с обвинениями великой княгини Елены Павловны в коварных замыслах создания из сестер милосердия религиозного ордена. Иногда кажется, что для историков столь необычным было увидеть благородство у трона, что обязательно искали какую-нибудь тайную выгоду.

А все проще. Во-первых, орденская форма была самой распространенной в Европе организацией женщин, помогающих врачам. (И до сего времени сохранившейся, вспомним хотя бы мать Терезу). Во-вторых, как иначе защитить женщин от посягательств военных, живущих вдалеке от семей? Недаром маршал, князь Меншиков при известии о приезде медсестер выразил опасение о венерических болезнях, которые де быстро распространятся в армии. Религиозный орден был бы внешней защитой, отделявшей в глазах солдат и офицеров приехавших сестер милосердия от обычных женщин.

Недостатком ордена было монашеское отречение от личной жизни, сектантская замкнутость. Реформатор отказывается от орденской формы потому, что метафорически сравнивает ее с больницей, где нет доступа свежего воздуха и развиваются госпитальные болезни. По наблюдениям Пирогова сделанным во время поездок по Европе, для монашек ордена, характерен тот же бюрократический стиль управления, наущничество,

интриганство. По его мнению, это болезни закрытых социальных объединений.

Другой образец организации женщин – филантропические домашние дамские кружки в Германии (“фрейны”), где “фрау” и “фрекен” разных лет щипали корпию для промокания ран, вязали кисеты воинам. В них вряд ли нашли бы выход буйная энергия российских женщин, мечтающих об эмансипации, их желание сравняться с мужчинами в славе, испытав те же опасности. Это тоже была замкнутая социальная структура.

Что же предлагает Пирогов великой княгине Елене Павловне? Создать не орден и не кружок, а всероссийскую общину сестер милосердия, которая впервые в мире отправится прямо на фронт. Община объединит для общего христианского дела женщин всех сословий: мещанок, крестьянок, дворянок. В таком начинании была сбережена идея соборности, присущая России, и жажда духовного подвига, которая после 1825 г. на глазах изумленной Европы повела жен декабристов за мужьями в Сибирь.

Выступая против создания монашеского ордена, Пирогов особо ценил тех руководителей и сестер общины, которые хранили в своей душе идеал христианской веры: великую княгиню Елены Павловну, княгиню Екатерину Хитрово, погибшую от тифа в Симферополе, княгиню Елизавету Карцеву, княгиню Екатерину Бакунину, баронессу Эдит фон Раден. Это были деятельные, энергичные тридцати-сорокалетние женщины. Они пережили любовь, узнали, что такое власть, познали суетность богатства и решали теперь для себя главные вопросы жизни. Это мировоззрение освящало дело общины. Пирогов при отборе сестер милосердия следовал принципу: “не религиозный орден, но женщины с верой в душе”.

Другим сильным нравственным охранителем общины стало высокое общественное мнение, сформированное великой княгиней через газеты и журналы, подробно и гласно освещающие дела сестер милосердия. Вскоре каждый губернатор будет считать за честь принять их в своем городе.

По замыслу реформатора создается уникальная двойная структура управления: административная система, подчиненная государю, и самостоятельная женская община, подчиненная Великой княгине. Она не разрушает управление санмедслужбой, но должна начать его совершенствование.

Историкам Крымской войны, если бы они задавали себе подобные вопросы, должна была казаться непонятной сильная неприязнь Пирогова к первой руководительнице Крестовоздвиженской общины Александре Петровне Стахович. В письмах к жене Николай Иванович именует ее не иначе, как “С.” и не скупится на бранные эпитеты. У Стахович, правда, была склонность к интригам, но все же она пережила в Севастополе самое сложное время: страшнейшие обстрелы и бомбардировки конца июня – начала августа, штурм города 27 августа, уехала она уже из Симферополя. У Пирогова же в письмах о ней – ни одного слова сочувствия или благодарности.

Все дело в том, что властная и честолюбивая Стахович долгое время строила управление общиной, как административным учреждением. Сама себя называла начальницей общины, сестры же должны были именовать ее

“Ваше превосходительство” (обычное обращение к княгине). Пирогову не нужен был еще один командир и еще одна медицинская административная единица, но отозвать Стахович имела право только великая княгиня. Отношение Пирогова к Стахович подобно отношению ученого к своевольному недалекому ассистенту, портящему интересно задуманный опыт, и показывает, насколько непросто реформатору обрести любовь к людям.

Наоборот, как продолжательницу своих идей, встретил Николай Иванович в Симферополе Екатерину Алексеевну Хитрово, прибывшую из-под Одессы. Когда одна из приехавших на Крымской фронт женщин обратилась к княгине Хитрово “ваше превосходительство”, та ответила: “Я не превосходительство, а такая же сестра, как и Вы”. Николай Иванович ликова! У общины не должно быть начальницы, в крайнем случае руководитель может именоваться “старшая сестра” – разъяснял он позже свой замысел великой княгине.

Выбор формы организации, отвечающей русскому менталитету с его стремлением к единению, бескорыстному порыву, культу подвижничества обусловил необычайный успех реформатора: движение просуществовало в разных формах до 1917 г. и снова частично возродилось во время Великой Отечественной войны.

АССИСТЕНТЫ ИЛИ ХОЗЯЙКИ?

Существует устойчивый стереотип: медсестра – это санитарка, вытаскивающая с поля боя раненого или стоящая у операционного стола.

Организация работы Крестовоздвиженской общины милосердия в Крыму знаменита в мире как раз тем, что ассистентская помощь в ней не была главной. Переноску же раненых выполняли специально обученные солдаты из числа наиболее сильных и сообразительных: нерационально поручать женщине тащить двухметрового гренадера.

Зато в Севастополе появились прежде не виданные, бережливые, с твердым характером сестры-хозяйки и сестры-аптекари, наводившие ужас на интендантов и каптенармусов. В Херсоне сестры милосердия привлекли к суду аптекаря, и вор застрелился.

Захотят теперь “господа начальники” госпиталей что-либо утянуть, а в кухне – сестра общины баронесса фон Будберг, на транспорте дежурит старшая сестра княгиня Бакунина, лекарства выдают – сестры фон Лоде и Аверкиева, принимают пожертвования и составляют опись имущества – дворянки, сестры милосердия Грибарич, Домбровская, дочь священника Медведева. Если и не полностью заменяют прежний персонал, то везде следят за порядком и законностью. Да и крестьянка, чувствуя за собой высокого покровителя, в обиду раненых не даст. Карьера сестер милосердия определяется мнением о них раненых, местных руководителей общины, Николая Ивановича Пирогова и великой княгини Елены Павловны. И не могут своей властью госпитальные чины ни наградить, ни разжаловать их.

Попробуй-ка они предложить женщинам “войти в долю”, когда Екатерина Бакунина сказала о своей главной цели так:

“Я должна была сопротивляться всеми средствами и всем своим умением злу, которое разные чиновники, поставщики и пр. причиняли в госпиталях нашим страдальцам; и сражаться и сопротивляться этому я считала и считаю своим священным долгом”.

Николай Иванович поручил сестрам раздачу денежных пособий. В период Крымской войны тем солдатам и матросам, у кого нет ноги давали 50 руб., у кого нет руки – 40 руб., у кого нет обеих конечностей – 75 руб. Немалые суммы по тем временам, на которые инвалиду можно было обзавестись хозяйством.

“Наши раненые просят взять деньги на хранение, – вспоминала Екатерина Бакунина, – но приняв, надо записать все аккуратно: имя, полк, родину, родных. У меня в один день собралось до 2000 руб. серебром, и как страшно было их беречь: ведь не имели мы сначала ни комодов, ни сундуков. Еще хлопотливее, если раненый просит рубль или 50 коп. и сестра должна разменивать 50 рублевые купюры, а разменять их тогда было очень трудно”.

“Вы помните меня, Катерина Михайловна? – иногда радостно кричал и махал рукой княгине какой-нибудь солдат, проходящий мимо с отрядом, – это я, Лукьян Чепчих! Мои семь рублей были у вас на Николаевской батарее и вы уже из Бельбека переслали их в Северный лагерь”. Надо ли сомневаться, как использовали бы подобную военную неразбериху армейские чиновники. Своей честностью и самоотверженностью сестры милосердия заслужили горячую любовь всей армии: “это их вдовушка князя Михаила прислала” – говорили с благодарностью солдаты между собой о великой княгине.

Пирогов никогда не требовал от Елены Павловны больших сумм в пользу раненых. Пока не истреблены административные злоупотребления, не контролируется вся система расходования продуктов и лекарств, любые пожертвования могут быть расхищены, что подорвет авторитет общины. Поэтому сестры милосердия стараются пользоваться частной помощью минимально. “Когда частная благотворительность выступила в первый раз в скромных размерах на театре войны, – вспоминал позже Пирогов, – она ограничивалась доставлением больным чая, сахара и некоторых улучшений госпитального содержания. Но ее главной целью в то время... был надзор за правильным исполнением госпитальной нормы”.

Спустя несколько месяцев после начала боев под Севастополь прибыли английские сестры милосердия, или, как их называли, “дамы высокой души”, под руководством леди Флоренс Найтингейл. Их появление на фронте Пирогов тоже связывает главным образом не с помощью в перевязке раненых, а с противодействием вопиющим злоупотреблениям английской военной администрации.

Двойная структура управления буквально преобразила военную медицину России. К концу XIX в. нет в российской военной администрации ничего

более открытого для прессы и ухоженного, чем армейские казенные госпитали. О них известно все: количество койко-мест, оснащенность кабинетов, прачечных, персонал сестер милосердия, ассортимент аптек.

Сам Пирогов тоже подготовил себе позицию с двойственным подчинением, чтобы воздействовать на военную бюрократию и иметь свободу маневра. “...Если я принес пользу хоть какую-нибудь, то именно потому, что нахожусь в независимом положении”, – напишет ученый из Севастополя.

СЕСТРЫ – ВНЕ СУБОРДИНАЦИИ

Прозорливое реформаторское решение Пирогова – вывести сестер милосердия из-под управления армейского командования позволило не только предотвращать крупные хищения госпитального имущества, медикаментов, денег, отпущенных для помощи раненым. Женщины помогали быстро решать проблемы, порой создаваемые армейской субординацией.

В то время среди офицеров, чтобы не возникало почвы для злоупотреблений властью, хорошим тоном было требовать с подчиненных строго в рамках уставов и приказов. Даже за то, что низшие чины вынесли раненого командира с поля боя, принято было наградить простых солдат деньгами. Когда же дело касалось заботы об инвалидах, такая субординация нередко оказывалась вредной. Княгиня Бакунина рассказывала, что во время штурма Севастополя раненых должны были отвезти на лодках матросы, но людей для переноски тяжело травмированных не было выделено. Командир наотрез отказался приказать матросам-гребцам переносить раненых, заявив, что это не входит в их обязанности.

”Но что же будет? – воскликнула Екатерина Михайловна, – они останутся ждать под ядрами раненых, а раненые будут лежать в Собрании тоже в опасности. Боже мой, что же мне делать?”

”Что хотите” – холодно ответил офицер.

”По крайней мере не мешайте мне уговорить ваших подчиненных” – попросила сестра милосердия и обратилась к матросам: “Вы знаете, что вы должны перевезти раненых, но некому их везти, а куда я достану рабочих, вы простоите тут всю ночь. Гораздо лучше, если вы сами за ними пойдете. Я вам еще и заплачу”.

Матросы тут же согласились, и немощные люди были спасены.

Такая же сцена разыгралась во время остановки санитарных обозов на ночлег. Начальник госпиталя не смел нарушить приказ, согласно которому на кровати можно было класть только раненых. Екатерина Михайловна сначала пыталась доказать ему, что иной больной более нуждается в помощи, чем легко раненый, но потом махнула рукой, взяла на себя ответственность за нарушение и разместила транспортируемых, как считала нужным, в согласии со здравым смыслом. Офицер же с большим облегчением вздохнул, узнав, что отвечать будет кто-то другой.

Умение сестер милосердия находить общий язык с властями и солдатами не раз спасало множество жизней. Однажды после дождей дороги развезло, и телеги стали буксовать или проваливаться в жидкое месиво. Рядом солдаты конвоировали французских пленных, ехали татарские обозы. И снова никто из военных не решился распорядиться людьми. Бакунина сама обратилась по-французски с просьбой о помощи к пленным и проезжавшим мужикам. Под крики по-французски, по-татарски, по-малороссийски тарантасы были вытащены из грязи. В другой раз вопрос о помощи раненым легко решился после личной беседы с генералом, к которому Екатерина Михайловна прошла мимо станционного смотрителя, не решавшегося даже напомнить высокому гостю, обедавшему и просматривавшему какие-то бумаги, о лошадях для санитарных транспортов. Смотритель с раскрытым от удивления ртом стоял навытяжку и дивился смелости женщины и тому, как уважительно ведет с ней сам генерал.

Эти случаи не следует трактовать упрощенно, как безинициативность или беспомощность военных. Появление нового независимого звена в системе медслужбы позволяло с одной стороны офицерам соблюдать уставы и предписания, а с другой стороны давало возможность сестрам милосердия разрешать проблемы, требующие нарушения субординации.

Николай Иванович радовался тому, что после прихода к управлению общиной Хитрово, а позже Бакуниной, собрание руководства общины даже внешне не напоминало военную или гражданскую администрацию.

Екатерина Михайловна вспоминала: “ Походный комитет заседал так. Бакунина – восседала на кровати, Карцева – на шкатулке, присланной Еленой Павловной, где хранились деньги, часы, бриллианты, врач общины Тарасов – на столе. Только священник, монах Вениамин сидел в креслах. А как живо, с каким воодушевлением мы общались!”

В патриотических настроениях сестер милосердия ни у кого не было сомнений. Но они, отражая интересы раненых, а не военного ведомства, собирали честные статистические данные о потерях, и общество теперь знало реальную цену, заплаченную за каждый обстрел и каждую вылазку.

Женщины восхищались мужеством и терпеливостью раненых русских солдат. Сколько раз они слышали от увечных, переносящих жуткие боли, эти слова: “Господь за нас страдал и мы должны страдать”. Когда зимой инвалидам стали раздавать по одной варежке, выяснилось, что в основном у них ампутированы правые руки. Раненые помрачнели, задумались о нелегком будущем. “Да неужто не найдется кому на правую? – засмеялся один из солдат, показывая варежку, счастливицы отыскиались, и весь транспорт отозвался гулким дружным хохотом.

Особенно тяжело было сестрам наблюдать мучения детей, раненых англо-французскими бомбами. Екатерине Михайловне запомнилось, что в Николаевской батарее лежал мальчик лет семи с перебитой ножкой, девочка, у которой мать была убита в то время, как ее кормила. Женщины, старались облегчить их жизнь, как могли.

Тогда и те, кто остался в столице, в невоюющих городах, жили вестями с фронта. Только молитвой они могли помочь женщинам, рискующим

жизнью на поле боя. Паша, младшая сестра Екатерины Бакуниной прислала ей на фронт свои стихи:

“Вокруг меня сады, аллеи,
Краса цветущая дворцов,
Но мне все видятся траншеи
И раны страшные, и кровь.
Смыкая, открывая вежды,
Молюсь страдая и любя,
Но в сердце луч святой надежды:
Господень крест хранит тебя!”.

Наверное, младшая сестра Екатерины Михайловны имела в виду еще и то, что сестры милосердия носили как отличительный знак общины золотой крест на голубой ленте. Крест символизировал единство во имя общей христианской цели и выражал основную идею Пирогова о том, что сестры милосердия – должны быть вне военной субординации.

УЖИВЧИВЫ ЛИ ЖЕНЩИНЫ?

Пирогов и Елена Павловна предусмотрели многое в организации отбора кандидатур в общину.

Простые девушки должны были пройти конкурс, заслужив рекомендации примерным поведением, трудолюбием, и год соблюдать обет целомудрия. Знатных дворянок подвергали обязательному испытанию – несколько недель они должны были обучаться перевязкам в больницах, работать сиделками в тифозных отделениях больниц Петербурга и Москвы. “Не надо упорствовать из-за ложного стыда,” – мягко говорила тем, кто не смог выдержать эту суровую проверку, великая княгиня Елена Павловна. Учитывались не только умение кандидаток бинтовать раны, приготавливать лекарства, но и организаторские качества. Большинство старших сестер прошли домашнюю школу управления имениями, дворовыми, хозяйством. Они понимали, как важны эти качества на войне и госпитальных чиновников ценили не по умению отпускать комплименты дамам и носить за ними по-джентльменски вещи. “Добрый человек был генерал Остроградский – иронично заметила в воспоминаниях Екатерина Бакунина – сам таскал койки. Славный был бы фельдфебель, но не распорядитель”. Не будь сама Екатерина Михайловна столь смелым и талантливым руководителем, она вряд ли смогла бы провезти транспорты с несколькими тысячами раненых с минимальными потерями из Симферополя в Москву, сумев переправить подводы по коварному весеннему днепровскому льду.

Тем не менее важно учитывать, что реформатор работает не с героями без страха и упрека, а с реальными людьми со своими достоинствами и недостатками.

В воспоминаниях о Крестовоздвиженской общине Пирогов оставил яркие зарисовки некоторых типов сестер, набранных первоначально в Петербурге. Вы ошибетесь, если ожидаете увидеть одних лишь подвижниц милосердия.

Одна была невежественная и все порывалась “пойти в Англию и отомстить”, а на возражения Николая Ивановича, что Англия находится на острове, куда пешком не попасть, отвечала: “Что ж за важность, что остров, как-нибудь помаленьку дойдем”. Другая при ее набожности любила крепкие напитки. Две сестры испытывали платоническую любовь друг к дружке. Попалась и завзятая интриганка.

Мыслитель никогда не терял реального представления о результатах реформирования. Своей жене по поводу отъезда Стахович он сообщает:

“Теперь только узнал я все интриги и сплетни общины, – нечего сказать, уживчивы женщины! Но утешительно то, что есть еще нравственная власть, которая выше интриг и сплетен, только надобно уметь ею распорядиться” (Письма, 85).

Можно было ожидать, что управление энергичными, честлюбивыми женщинами различных сословий да еще на войне – окажется делом очень непростым. Как позже объясняла Екатерина Бакунина, причиной многих раздоров среди сестер, было нервное истощение от постоянных бомбежек и обстрелов. Нелегко им было каждый день видеть уходящих на позиции солдат, за которыми несли носилки, потому что кто-то будет сегодня ранен или убит, привыкнуть к тому, что лопающиеся маленькие белые облачка на голубом небе вдали – разрывы бомб. Думать, что смерть может настигнуть везде – в госпитале, на дороге, на морском пляже, где услышав свист ядер, женщины лишь инстинктивно прятались под кружевные зонтики.

Некоторые становились очень ранимы или болезненно подозрительны. Сколько вздорной чепухи приходилось выслушивать руководительницам общины от молодых девушек! То кто-то заходит, плотно затворяет за собой дверь и шепотом сообщает, что одна из сестер подает из амбразур тайные знаки вражеским кораблям, а вторая де купалась и заявила, что уплывет к французам, а третья – занимается своими локонами, а не ранеными. То обиженная, только что приехавшая дама слезливо жалуется, что ее обошли медалью. Про саму Екатерину Бакунину сначала распускали слухи о том, что она последовательница Жорж Санд и вообще неблагонадежна, ведь ее двоюродный брат Михаил был известным в Европе революционером, выданным в 1851 г Австрией и отправленным в Шлиссельбургскую крепость. Первая начальница общины Александра Стахович, считала нужным информировать великую княгиню о всех подобных слухах. В результате община стала кипеть подозрением и интригами. К счастью для Елены Павловны переписка сестер велась через очень спокойную и здравомыслящую фрейлину Эдит Федоровну фон Раден, которая не считала нужным передавать великой княгине разную чушь и, видимо, учитывая мнение Пирогова, посоветовавшей ей сменить Александру Петровну.

Для того, чтобы уберечь общину от внутренних распрей, Николай Иванович вместе с новыми руководителями общины – Хитрово и Карцевой, а позже Бакуниной стремится направить энергию женщин против общего врага – госпитальных воров. Каждый вечер на собрании комитета обдумывались все новые “крючки” для их ловли. В письмах к своей “душке Саше” Пирогов шуточно отчитывается о том, что на многие крючки дичь уже поймана, а загадок со снабжением раненых все равно осталось немало: например,

“никак не успели поймать, отчего куриный суп, в который на 360 человек кладется 90 кур таким выходит, что на вкус не курицей, а крупой одной отдает, тогда как сестры варят меньшее количество, меньше кур кладут, а вкус лучше”.

Большие сложности могли возникнуть с включением в общину, помогающую врачам, женщин малообразованных сословий. Поэтому для сестер всех специальностей реформатором были составлены четкие служебные инструкции. Каждая женщина имела право попробовать любую специальность: ассистентки хирурга, аптекарши, хозяйки, сиделки, ухаживающей за ранеными, наблюдателя за транспортом - и потом остаться там, где больше по душе. “Самые простые и необразованные сестры выделяли себя более всех своим самоотвержением и долготерпением в исполнении своих обязанностей”, – признает позже Пирогов.

Распорядок жизни сестер милосердия определяло общее собрание, протоколы которого посылались великой княгине. На него каждая девушка имела право вынести любой касающийся ее или общины вопрос. Так реформатор пытался приобщить женщин разных сословий к уважительной, законодательной практике решения государственных дел. Это тоже оказалось делом весьма непростым.

Однажды по предложению Николая Ивановича в общине был устроен суд над провинившейся сестрой милосердия, судьба которой должна была решаться общим голосованием. Со стороны Пирогова – это был своеобразный эксперимент введения парламентаризма. Сестрам он не понравился! Екатерина Бакунина рассказывала, что после собрания она буквально сорвала голос, доказывая до хрипоты недовольным женщинам преимущества коллегиального решения – напрасно: “почти все предпочитали деспотическое правление одной, хотя бы с капризами и несправедливое, общему участию многих”. Позже у Пирогова появится еще немало оснований для скепсиса относительно судьбы парламентаризма в России. Пока другие только мечтали о нем, Николай Иванович, как реформатор, уже проверил этот метод управления на практике и сделал соответствующие выводы.

Показательно, что считая законы патологии скоплений едиными для различных социальных организаций, мыслитель выступает не только против больших клиник и госпиталей, но тревожится и по поводу быстрого разрастания общины сестер милосердия. Массовый наплыв желающих может привести к нерациональной занятости и праздности.

“Сестер теперь много относительно к числу больных, а порядку – меньше” – с грустью констатирует он положение дел в письме к жене.

Проводится несколько смен составов сестер милосердия, работавших в Крыму. Всероссийский конкурс дает свои плоды: с первой сменой уезжает и пара вздорных знатных дам, вместе с отделением, “состоящим из малообразованных бабок, отправившихся за медалями и почестями” – ведь начальный этап всегда сложен. Новые сестры милосердия оказались более дружными и трудолюбивыми. А получившие крещение в Крыму отправляются в свои губернии, чтобы передавать опыт и вести медицинское

просвещение. Война, прежде уничтожавшая врачебные кадры, с появлением общины способствует подъему медицины России.

Особое беспокойство вызывает у Николая Ивановича положение дел в периферийных крымских госпиталях, которые трудно было контролировать из Севастополя. Екатерина Михайловна тоже разделяла опасения Пирогова, в особенности в отношении выбора старших сестер госпиталей. Нельзя назначить молодую из боязни ее скомпрометировать, а в то же время нужно найти женщину легкую на подъем, с покладистым характером, но ту, которая не побоится, что на нее озлятся армейские госпитальные чины. Для работающих в Симферополе, Пирогов предлагает установить специальный испытательный срок и только спустя месяц вручать лучшим форму общины (косынку, фартук с красным крестом) и золотой крест на голубой ленте. Вот как он обосновывает свое предложение в письме к Е.М.Бакуниной в январе 1856 г:

“Так как трудно найти разом 22 надежных сестры для госпиталей, отдаленных от центра общины, то очевидно, лучше сначала снабдить их, по крайней мере, такими женщинами, которые – в случае неудачного выбора – не могли бы запятнать общину, не нося еще на себе еще ее высокого символа и не будучи, следовательно, настоящими сестрами”.

Один из немногих он уже на войне задумывается о будущей судьбе сестер милосердия, которые, казалось, обрели всероссийский авторитет, всеми любимы и уважаемы. “Покуда я здесь, их на руках носят, что-то будет после не знаю, но под эгидой великой княгини может и хорошо отделаются, лишь бы они как бабы или как военачальники не ссорились” – с тревогой пишет он жене в одном из последних писем с фронта. Пирогов еще не предполагает, насколько последующие события подтвердят его слова.

К сожалению, об этих сложностях организации общины историки пишут очень мало, и даже сама Екатерина Михайловна Бакунина считала, что “необходимо сохранять лишь то, что касается чести и той великой помощи, которую принесла община”. Поэтому у нас и распространился упрощенный взгляд на реформирование, как на выдумку “оригинального хода”, после которого все пойдет само собой.

Пример организации общины показывает, что нельзя отыскать какой-то спасительный принцип социальной организации, который бы на веки вечные обеспечил благополучие. Необходимо постоянно отслеживать ситуацию и управлять ею, чтобы добро не обратилось во зло.

ЗЛО И ПОЭЗИЯ ВОЙНЫ

Исследователи наследия Пирогова обычно делали акцент на описании Николаем Ивановичем в его “Севастопольских письмах” тяжелого положения в госпиталях, злоупотреблений командования, страданий раненых. В то же время взгляд мыслителя на войну не односторонний:

“В войне много зла, но есть и поэзия, – пишет он Саше, – человек, смотря смерти прямо в рыло, как выражался начальник штаба Семекин, когда шел на штурм вместе с азовцами, смотрит на жизнь другими глазами: много

грусти, много и надежды, много забот и разливной беззаботности.” Это какое-то особое состояние общества, – замечает Пирогов, – когда исчезает весь хлам приличий, сословных различий, эполеты, ордена встретишь крайне редко – все закрыто простой холстиной, князь ночует в одной траншее с рядовыми солдатами и делится с ними табаком. Так же и в госпитале: все люди без масок – один перевязывает себе ногу, другой солит огурцы в кадке, третий орет от боли.

В Новый 1855 год офицеры пригласили главного врача на позицию – в заснеженный, едва видимый сверху под небольшой горкой снега, блиндаж, обитый внутри старыми халатами. “Начался обед да еще какой! – удивленно описывает Пирогов Саше – было и заливное, и кулебяка и дичь с трюфелями, а еще жалуемся на довольствие, говорим, что у нас сухари заплесневели”. Потом пришли певцы, плясуны, один из солдат ходил на руках и звонко щелкал босыми пятками. Если бы кто-нибудь прошел по снежной позиции, то повсюду из-под земли он слышал бы только тосты за здоровье императора, за победу, полковые песни, смех.

На войне особенно остро переживаются все основные вопросы жизни. Тогда многие решали принять новое крещение в православную веру, а сестры милосердия порой становились крестными матерями. Екатерина Бакунина рассказывала, как торжественно происходил обряд принятия христианства молодым черкесом, попросившего стать его крестной Екатерину Михайловну: “В палатке, устроенной из двух солдатских, было приготовлено все для крещения; дощатый стол, на нем образ, посредине аналой и чан, накрытый красным сукном. Возле черкес в белой рубашке с голубыми лентами, по правую руку генерал с георгиевским крестом по левую – я”. Этот черкес позже был смертельно ранен во время штурма Севастополя французами и привезен в госпиталь, где работала Екатерина Михайловна. Бакунина вспоминала, как она переживала за своего крестника, когда он лежал в косматой белой шапке, надвинутой на черные блестящие глаза, и красивые черты его лица искажались от страдания. К утру молодой черкес скончался.

Николай Иванович во время войны посетил Успенский монастырь возле Бахчисарая, вырубленный в скале. К его удивлению в нем служил молебен немец, отец Ефрем, принявший греко-российскую веру.

Летом 1855 года в Севастополь приехал архиерей Иннокентий, замечательный проповедник, бывший прежде миссионером православия среди северных народов. Он привез иконы, которые посылали православные всей России в дар защитникам Крыма. На площади перед Адмиралтейством было выстроено войско во главе с генералами, духовенство в золотом облачении, рядом стояли сестры милосердия и несколько дам в шляпках. Хор исполнил “Воскресение Христово” – “Предваривше утро еще Мария и обряще камень отвален от гроба”. Когда окончилось молебствие, архиерей в митре, блистающей золотом и алмазами, небольшой ростом, с поседелой бородой благословил нескольких неустрашимых защитников, передал им образа. Во все мое пребывание в Севастополе я так отрадно и так успокоительно не молилась, как в этот день” – призналась позже Екатерина Бакунина.

После молебствия Екатерина Михайловна подошла к архиерею и спросила его как внушить религиозность сестрам?

“Вы так легко задаете мне самый трудный вопрос, который мы так часто задаем себе, когда собираемся проповедовать – ответил умудренный священник, – это так трудно, это должна быть Благодать Божия. Главное – пример ваш для этого необходим. Вы не должны обязательно быть монахиней. Бойтесь того, чтобы частыми чтениями не дать отвращения от хорошего. Пусть у них будет почаще Евангелие, хоть перед глазами – это всего больше действует на душу”.

Молебствия, Сокровенный смысл которых не дано было понять прежним летописцам войны, занятым подсчетом обмундирования и оружия прежде мало учитывались историками. В лучшем случае о них упоминали, как об официальном ритуале. Они, тем не менее, иногда становились целыми вехами в развитии духа армии, общества и его лучших представителей.

Николай Иванович Пирогов тоже беседовал с архиереем Иннокентием, возможно в Севастополе или в Петербурге и проникся его словами о постепенном, неспешном сеянии зерен веры в души людей. “Он мне сказал однажды – напишет Пирогов в память о преосвященном Иннокентии в одной из своих педагогических статей: Всякая мысль, высказанная с убеждением, есть живое семя, брошенное на землю; рано или поздно оно пустит ростки»”.

Война активизирует силы одних, но многих она калечит физически и нравственно. Здесь идет постоянная, воочию видная борьба материи и духа. Покалеченное, немощное, живое, травмированное орудиями войны, образует скопления, разносящие смерть. Знание этих закономерностей позволяет реформатору небольшими силами санитарных команд управлять глобальными процессами, затрагивающими жизни и здоровье сотен тысяч людей.

ПО СЛЕДАМ СКОПЛЕНИЙ

В Крыму при организации военно-полевой медслужбы Пирогов прежде всего обращает внимание на очаги скоплений больных и раненых. Особенно увеличилось их число в переходный период после смерти Николая I, когда столица была занята неизбежной сменой министров кабинета, штабного окружения главнокомандующего, утверждением новых мундиров для чиновников высших и средних классов. Из Севастополя и Симферополя Николай Иванович сообщает родным и коллегам:

“Теперь при перемене начальства в армии, наблюдается застой во всей администрации; между тем число больных и раненых после вылазок и отдельных стычек в Севастополе постоянно возрастает. Скучиванье больных достигло такой степени, что они в Севастополе занимают семь помещений, из которых только одна Николаевская батарея безопасна и блиндирована... В этих семи помещениях скучены до трех тысяч больных...”

“Теперь опять наступил застой. В Симферополе опять накопилось до пяти тысяч больных, сложенных в сорока пяти инфекционных гнездах”.

Патриотически настроенные жители Севастополя отдавали лучшие дома – для раненых солдат и офицеров. А громадные госпитали в них угрожали стать братскими могилами — настолько возростала смертность. Пирогов же, как главный врач армии, убеждает военное начальство пойти совсем на другие меры для спасения раненых: организовать за городом госпитальный палаточный лагерь.

“Когда за месяц до бомбардировки я просил, кричал, писал докладные записки главнокомандующему, что нужно вывезти раненых из города, нужно устроить палатки вне города, так все было ни да ни нет”, – жалуется Николай Иванович в письмах к жене на непонимание военных.

Армейских можно было понять: ведь любому человеку, незнакомому с принципами организации медслужбы, прежние стационарные госпитали казались образцом гигиены и ухода.

Взять, например, Николаевскую батарею: это была красивая крытая галерея, обращенная к морю. С одной стороны длинного коридора размещались ниши с амбразурами для пушек, с другой – комнаты для раненых. В коридоре висели образа, над ними теплились лампадки. Сестрам милосердия легко было наблюдать за ранеными, разносить лекарства.

Еще более радовал глаз неискушенного наблюдателя госпиталь в Дворянском собрании. Большие залы из белого мрамора с пилястрами из розового мрамора, паркетные полы, массивные красного дерева двери с бронзовой отделкой. В высокие окна собрания ночью было видно южное звездное небо. 100 кроватей с аккуратными зелеными столиками были размещены в одной комнате, в операционной, бывшей билльярдной постоянно кипел самовар, стояли стаканы с водкой, на столах был аккуратно разложен хирургический инструмент. В Екатеринославе же под госпиталь был отдан красивейший Дом Потемкина, с большими бронзовыми люстрами, своей роскошью напоминавший Таврический дворец. В нем сестры выхаживали раненых, принимали и развешивали продукты.

Нужно было обладать особым предвидением и последовательностью, чтобы предпочесть этой красоте палаточный лагерь, да еще на ветру, на вершине холма, на постоянном солнцепеке, рядом с большим тенистым садом. Сестры теперь в отдельной санитарной палатке держали лекарства, чай, сахар, лимоны для тяжело травмированных, и осторожно прижав к себе склянки с медикаментами разносили их раненым. В другой раз главный врач армии, казалось, создавая работу самому себе и сестрам, рассредоточил большой госпиталь в Бахчисарае по тридцати небольшим частным домам.

Со временем для Николая Ивановича каждый госпиталь как бы обретает собственную индивидуальность. Он обнаруживает, что больницы, как и больные отличаются своей конституцией. При прогнозе операции и проведении анестезии необходимо учитывать цветущий или тощий пациент (особенно при ампутациях), старый или молодой. Госпиталь же может быть одноэтажным, двухэтажным, расположенным возле реки, (как больница Ру), в котловине, на пригорке, в лесу, давно построенным, пережившим мор и эпидемии или недавно принявшем больных. От этого, оказывается, существенно зависят средние цифры смертности. Например, здание,

отведенное под морской госпиталь в Николаеве, оказалось очень неудачно по конституции: двухэтажные галереи с хорами были опасны тем, что все, пролитое сверху, капало вниз, а все запахи снизу неслись к верхним этажам.

Мыслитель обнаруживает вредность как больших, так и малых форм скоплений. При обработке ран обычно применяли корпию, метелки из растрепанных волокон, которыми промокали рану и удаляли гной. Корпии часто не хватало, и прежняя ленивая обслуга из бракованных рекрутов, делая на ней свою коммерцию, нередко внушала солдату, чтобы он относился к корпии чуть ли не как к талисману, дарующему здоровье. Иногда раненый хранил ее для нескольких перевязок под подушкой. В пучке нитей размножалась инфекция и многократно заражала рану.

Пирогов предложил промывать раны из небольших чайничков. Гной вымывался струей чистой текущей воды и скопления не возникало.

Однажды после очередной бомбардировки города санитарные команды принесли к главному лазарету множество раненых. Легкораненые стояли, ожидая своей очереди на осмотр или сидели, курили, стараясь справиться с болью, тяжело раненые лежали на шинелях рядами и вповалку. Врачей же было всего несколько человек. Пирогов вдруг осознал, что если быстро не справиться с этим скоплением, то погибнут даже те, кого слегка задела пуля или осколок, потому что на них перекинутся болезни гангренозных больных.

Он понял, что надо менять прежний издавна установившийся порядок организации медслужбы, когда врачи по очереди осматривали, оперировали и лечили каждого. Необходимо произвести быстрый, предварительный осмотр всех пострадавших, рассортировав их на тех, кому может быть оказана медпомощь немедленно – их сразу же удалить, тех – кому нельзя помочь – так же быстро унести в одно помещение, где давать болеутоляющее, причащать и соборовать, тех, у кого обнаружатся сложные переломы и раны – отправить на гипсование и на операцию. Тогда можно сконцентрировать силы небольшой группы врачей на раненых, которых можно спасти.

С тех пор сестры милосердия и санитары возле госпиталя в Дворянском собрании ждали распоряжений врачей о судьбе каждого раненого: если после осмотра раздавалась команда “на Николаевскую батарею!”, значит, ранен легко. Если “оставить здесь!” – будет ампутация или резекция. Если раздается приказ “в Гущин дом” – надежды нет. В нем каждый день выносили умерших, и трупный запах не могли уничтожить целые ведра ждановской жидкости, выливаемые для дезинфекции на пол и на двор. Дежурили в доме две героини – сестры милосердия Григорьева и Голубцова. У бедной Голубцовой, вспоминала Екатерина Михайловна, были сломаны ребра во время падения транспортов с ранеными, но она самоотверженно ухаживала за агонизирующими и сама скончалась от холеры.

В ряде книг “сортировка”, предложенная Пироговым, расценивается всего лишь как остроумная идея, которая до него почему-то никому не приходила в голову. Сортировка не так проста, как кажется. Для ее проведения необходимо было во-первых отрешиться от заблуждения, что все зло от

ранения таится в пуле (“мы не вытаскиваем сразу пуль – писал Пирогов петербургским коллегам – это – работа на зрителя”) и во-вторых, научиться оценивать тяжесть осложнений, вызванных повреждениями органов и конечностей. Только когда была набрана статистика смертности по многим видам ранений и операций, стало возможно заранее предсказывать ход травматических процессов.

Организация военно-полевой медслужбы закономерно требовала новых полномочий главного врача армии, который прежде по инструкции должен был лишь организовывать госпитали и распоряжаться при операциях врачами-хирургами. Пирогов попытался закрепить новый статус законодательным порядком не столько для себя, сколько для своего преемника, и вступил в конфликт с Генеральным штабом.

НОВЫЙ ДИКТАТОР?

Двойное подчинение Пирогова на фронте Крымской войны — великой княгине и главнокомандующему – не пришлось по вкусу армейскому начальству. Маршал, князь Горчаков, жаловался императору Александру II, мол, “Ваш Пирогов” приехал и уехал, когда захотел. А реформатор еще и подал в штаб докладную записку с предложением о введении должности Главного инспектора по военно-медицинской части действующей армии со следующими полномочиями:

“Чтобы лицо, представляющее главную медицинскую власть в армии, могло принести существенную пользу, необходимо:

1. Поставить его в зависимость наравне со всеми главными лицами штаба только от одного главнокомандующего.
2. Давать ему временные и местные права директора департамента, представителем которого он должен быть при штабе.
3. Поставить всех врачей при армии в полную и непосредственную от него зависимость.
4. Ознакомить его со всеми госпитальными и транспортными средствами, предоставить все эти средства в непосредственное его распоряжение.
5. Сделать его главным председателем врачебного комитета при штабе, и непрямым членом комитета, занимающегося распределением средств, собранных пожертвованиями благотворителей.
6. Поставить в его распоряжение все перевязочные пункты.
7. Предоставить ему право, с согласия главнокомандующего, изменять состав госпиталей, находящихся в районе действующей армии.
8. Отдать в его распоряжение общину сестер милосердия.
9. Ему же поручить и дальнейшее образование врачей, присылаемых из университетов и академий “.

Главный инспектор, по Пирогову – координатор связей медслужбы с государством и армией, задача которого – ориентируясь на задачу

главнокомандующего, быстро отыскивать очаги скоплений раненых, меняя структуру госпиталей, перевязочных пунктов и санитарно-транспортных коммуникаций.

В Генеральном штабе армейские чины распустили слух о диктаторских устремлениях Пирогова, в то время как реформатором предлагалась лишь разумная централизация санмедслужбы. Наоборот, исчезала зависимость санмедслужбы от мелких армейских администраторов. Под предлогом “борьбы с диктатурой” против реформаторов часто выступает мелкая бюрократия, кормящаяся на хозяйственной неразберихе. Предложение Пирогова уничтожало почву для диктатуры, потому что разделяло власть военную и врачебную, сохраняя армейский принцип подчинения.

Армейские офицеры к тому же не понимали, зачем главному врачу потребовались новые полномочия, так как его метод организации пока объединял множество разнообразных эмпирически найденных приемов, смысл которых был понятен очень немногим. Даже Екатерина Михайловна Бакунина с восторгом описывала прежние госпитали в больших домах Севастополя. На докладной записке государь Александр II написал: “у нас уже есть такой инспектор – Пирогов”. С его точки зрения изменения статуса не требовалось. То, что реформатор считал проверенной закономерностью, требующей пересмотра должностных инструкций, окружающим казалось проявлением властного характера Николая Ивановича. Победить без вражды в этом случае можно было лишь сформулировав новую концепцию санмедслужбы, которая доказала бы закономерность требований. Но у реформатора не было в то время возможности начать ее проработку.

Должность не была учреждена, и после отъезда мыслителя вся его работа была развалена за... неделю. Пришедшие на место Пирогова начальники перенесли положение главного перевязочного пункта, сразу нарушив координацию транспортных связей и потоков раненых (не было главного врача, следящего за перемещением раненых по всему прифронтовому району). В результате перевязочный пункт стал бесполезен: у него стали скапливаться еще большие толпы раненых.

Что же делает Пирогов? Честно рассказав о выполненной работе в Крыму, изложив свой план преобразований он публично заявляет о невозможности иначе спасти раненых: “Кто думал, что я поехал в Севастополь только для того, чтобы резать руки и ноги, тот жестоко ошибается, этого добра я уже достаточно переделал. Я знал уже прежде, какова участь наших раненых (впрочем, не одних наших), думал содействовать к улучшению; теперь убедился, что при нашей нераспорядительности – это дело несбыточное”.

Лидер российской военно-полевой хирургии просит общество о помощи! Реформаторский ход – совершенно искренний, естественный, сильнейший, которым Пирогов привлекает на свою сторону новых единомышленников. Надо было дать людям время осознать пользу движения милосердия, чтобы вернулись в губернии России овеянные подвигами и славой сестры Крестовоздвиженской общины – и реформы сами получили новую массовую поддержку.

Николай Иванович покидал армию с чистой совестью: все, что мог он сделать для Севастополя, и хотя указ Государя о зачислении срока службы из расчета месяц за год формально не касался врачей, Пирогов подал рапорт и не сомневался в положительном решении. Два с лишним года мыслитель прожил под обстрелами и бомбардировками, вдали от семьи, жены, детей, получая от Саши только письма, да изредка с оказией ящик любимых сигар.

Пирогов с горечью вспомнил оставленный Севастополь, его выщербленные снарядами стены домов без крыш, обезображенные обломки после бомбардировок на месте красивых, увитых виноградными лозами зданий, пустоту и запустение в городе. Только недостроенная церковь Св.Владимира стояла, как прежде. Словно страшный чумный мор, уничтожил сотни тысяч людей и оставил безлюдными дома и улицы. Эта картина напоминала деревни, вымершие от эпидемий холеры. В Симферополь, наоборот, устремились потоки беженцев. Пирогов отметил, уезжая, как выросло население этого города минаретов и каменных оград с его единственным православным храмом.

Во время войны образуется множество скоплений травмированных людей. Война уродует живое, подобно тому, как холера иссушает организм или после попадания пули в нем патологически перерождаются ткани и жидкости.

Что же это за страшное и странное явление в мире – война? Эта мировоззренческая проблема все больше захватывает Пирогова.

Наблюдая за армейскими специалистами, он еще раз убедился, что дело не в нехватке оружия или амуниции, а в воспитании внутреннего человека. В этом случае у государства будут и врачи, и солдаты, и матросы, но главное – будут люди, граждане. Дело в педагогике, теперь путь к новой цели был открыт.